

этнограф не подменяет собой специалистов других дисциплин, а в совершенстве выполняет присущую ему работу.

В историко-этнографическом аспекте написана и глава об общественном быте. Названа глава значительно шире «Общественная жизнь»; с этим трудно согласиться. Последнее понятие более широкое, оно охватывает много политических вопросов, не входящих в предмет этнографического рассмотрения культуры и быта.

Итак, перед нами интересное исследование, которое привлечет внимание не только этнографов, но и историков и социологов. Исследование многоаспектное, написанное на высоком профессиональном уровне, отражающее современную жизнь. Вместе с тем оно показывает возможности этнографической науки в изучении современности. Как и всякое серьезное исследование, рецензируемая работа позволяет не только делать выводы, но и ставит новые проблемы.

Монография еще раз показывает, что этнографы не ограничиваются традиционными сюжетами при изучении современной культуры народов. Они стремятся рассмотреть все реально функционирующие элементы культуры на уровне повседневного поведения людей. Поэтому в этнографии все шире применяются методы конкретно-социологических исследований и математические методы. Однако использование таких методов не делает этнографические исследования этносоциологическими, ибо различается прежде всего предмет исследования, конкретная методология. И по-прежнему остается актуальным вопрос, как лучше сочетать этнографические и социологические методы, как лучше распределить силы, специалистов для целостного изучения не только культурно-бытовой жизни народов, но и этнических процессов в современных условиях.

Л. М. Дробизева

К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974, 341 стр.

Исследование формирования социалистических наций СССР не может быть полноценным без обстоятельного изучения этнической истории тех народностей, на основе которых сложились сами социалистические нации. Это в особенности относится к социалистическим нациям Средней Азии, в том числе узбекской, поскольку этническая история образовавших их народностей была очень сложной.

Однако научное значение рецензируемого труда состоит не только в том, что в нем досконально исследован один из весьма существенных компонентов узбекской народности. В книге К. Ш. Шаниязова рассматривается одна из тех проблем, которые всегда привлекали внимание исследователей истории и этнографии тюркоязычных народов, а именно кипчакская проблема. От ее решения зависит правильное освещение этногенеза и этнической истории многих народов Средней Азии и Казахстана, а также Приуралья, Северного Кавказа, Южной Сибири. Средневековые кипчаки сыграли важную роль как в формировании самих тюркоязычных народностей, так и их языков и культур. Поэтому исследование кипчакской проблемы в историко-этнографическом аспекте представляет большой интерес и для тюркологии в целом, и для этнографии нашей страны, и для истории народов СССР.

И хотя К. Ш. Шаниязов ограничивает цель своего труда исследованием отдельных моментов этнической истории узбекского народа, относящихся к участию в его этногенезе средневековых кипчаков (стр. 13), рамки его научных поисков значительно шире, они охватывают разные стороны всего того комплекса исторических, социально-политических и этнических вопросов, которые связаны с кипчакским этносом в целом. Принципиально важным представляется изучение автором названного комплекса в свете этнической истории многих других тюркоязычных народов.

Книга убедительно подтверждает также большую ценность полевых этнографических материалов о существовавших в сравнительно недавнем прошлом родо-племенных делениях, их генеалогиях, этнонимии и т. п. Несмотря на очевидную необходимость привлечения в качестве одного из историко-этнографических источников такого рода данных, еще сохранившихся в памяти старшего поколения, в последнее время среди некоторых исследователей (главным образом историков) получило известное распространение ничем не обоснованное скептическое, а иногда открыто негативное отношение к этому виду источников. Книга К. Ш. Шаниязова, в которой широко используются соответствующие данные по узбекам и другим тюркоязычным народам, показывает несостоятельность этой точки зрения.

С задачей выявления «историко-культурных и этнических связей одной из многочисленных реликтовых этнографических групп населения дореволюционного Узбекистана — кипчаков с племенами и народами Средней Азии, Казахстана, Сибири и других соседних регионов» (стр. 13), как и с этнографическим описанием зарафшанской и ферганской групп кипчаков автор успешно справился. Этому в значительной мере способствовала логичность структуры самой книги, включающей три основные части: исторические сведения о кипчаках, данные о кипчаках в составе узбеков (XIX — начало XX в.) и этнографический очерк (хозяйство, материальная культура, общественные и

семейные отношения). Книга состоит из пяти глав, которым предпосланы вступление «От редактора» (Т. А. Жданко) и «Введение». В конце книги дано «Заключение».

Глава первая «Исторические сведения о кипчаках» занимает в книге важное место. Она по существу представляет единое целое с очень содержательным «Введением», в котором автор приводит свидетельства различных источников о происхождении кипчаков, об их языке, относящихся к ним этнонимах и др. Для освещения большого круга затрагиваемых в этих разделах вопросов К. Ш. Шаниязов привлекает обширную литературу, а также сведения, содержащиеся в древних и средневековых письменных источниках, древнетюркских рунических памятниках, восточных и западноевропейских сочинениях, русских летописях, археологические, лингвистические и антропологические данные.

Автор не только обстоятельно анализирует и обобщает уже введенные в научный оборот разнообразные материалы, необходимые для воссоздания истории кипчакского этноса, но также использует малозвестные, а частично и новые для науки данные. Он характеризует расселение и передвижение кипчаков с древности до середины XI в., сообщает сведения о кипчаках-половцах в причерноморских степях и на Северном Кавказе (вторая половина XI — начало XIII в.), о присырдарьинских кипчаках (X — начало XIII в.), рассматривает историю кипчаков в XIII—XV вв., степень их участия в этногенезе народов средневековой Средней Азии и Казахстана (XV—XIX вв.) и, наконец, подробно освещает хозяйство, быт и культуру кипчаков по данным письменных источников, археологии и исторической этнографии (X—XV вв.).

К. Ш. Шаниязов выделяет несколько групп кипчаков. Он считает, что начиная с VI в. на протяжении последующих веков сложились орхонская, алтайская, западная и отделившаяся от нее присырдарьинская, или восточная, группы кипчаков (стр. 43—45, 51, 52). История присырдарьинской группы кипчаков и составляет основной предмет его исследования. С точки зрения этногенетических связей с кипчаками, оказавшимися впоследствии на территории Узбекистана, рассмотрение группы кипчаков-половцев (стр. 54—65) может быть оправдано главным образом стремлением автора представить целостную картину политической жизни основных групп кипчаков.

Предлагаемое К. Ш. Шаниязовым деление кипчаков на группы представляется нам более убедительным и аргументированным, чем сделанное Б. Е. Кумековым¹. По одному из весьма сложных и до конца еще неясных вопросов — об этнических связях между кипчаками и кимаками — данные К. Ш. Шаниязова и Б. Е. Кумекова несколько расходятся. Так, они по-разному трактуют сведения Махмуда Кашгарского (XI в.). Ссылаясь на стамбульское факсимильное издание труда Махмуда Кашгарского, Б. Е. Кумеков пишет, что «сами кипчаки не отождествляли себя с йемаками (т. е. кимаками. — С. А.), а считали их лишь своей „отдельной ветвью“, т. е. связанными по происхождению» (стр. 43). К. Ш. Шаниязов, основываясь на узбекском переводе труда Махмуда Кашгарского, приводит из него такую цитату: «Однако кипчаки считают себя (по происхождению) из другого (некимакского. — К. Ш.) рода» (стр. 46). Хотя в другом месте Б. Е. Кумеков отмечает слабость политических связей кипчаков с кимакским племенным союзом в VIII—XI вв. и различие их этнических территорий, его толкованию текста Махмуда Кашгарского о связях кипчаков и кимаков «по происхождению» следует отдать предпочтение. Но у К. Ш. Шаниязова были серьезные основания отвергать мнение И. Маркварта о кипчаках как западной ветви кимаков (стр. 38).

Остановлюсь на некоторых других вопросах, относящихся к рассматриваемой теме. Не присоединяясь безоговорочно к гипотезам Г. Е. Грум-Гржимайло и Л. Н. Гумилева о динлинском происхождении кипчаков, К. Ш. Шаниязов не исключает, однако, участия динлинов в этногенезе кипчаков (стр. 33), а на стр. 99 уже более уверенно пишет об их «связи по происхождению». Автор явно переоценивает значение концепции Л. Н. Гумилева о генетической связи кипчаков с древними белокуроыми динлинами (стр. 27, 33). Она еще требует более аргументированных доказательств.

Заслуживает внимания и вопрос об отношении кипчаков к родоплеменному образованию канглы, который автор особо рассматривает на стр. 38—40. Отрицая этногенетическую связь между этими племенами, К. Ш. Шаниязов вместе с тем пишет о взаимовлиянии их культур, взаимном сближении в некоторые периоды и даже о процессе их «этнического смешения». Взвешивая все приводимые автором книги доводы, приходится признать несколько категоричным его вывод. Очевидно, связь между канглы и кипчаками не ограничивалась политическими и культурными аспектами, она включала в себя и этнические отношения, хотя оба объединения и могли осознавать себя самостоятельными этническими единицами.

Естественно, что в книге внимательно изучен вопрос об этнонимах, так или иначе связанных с кипчаками (стр. 26—31). Мы находим здесь целый ряд правильных соображений, а также остроумных предположений и догадок о терминах «кипчак», «половцы», «куманы» и др. Однако возведение этнонима «куман» к имени тотема «ку» — лебедь (стр. 28) трудно признать правомерным. Л. П. Потапов присоединяется к мнению проф. О. Притака, который полагает, что термин «куман» в наименовании кумандинцев адекватен названию «половец» и «кыпчак», и утверждает, что предки

¹ Б. Е. Кумеков, Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, Алма-Ата, 1972, стр. 44.

кумандинцев входили в объединение тюркоязычных племен, именовавшихся кыпчаками². Но исследуя проблему происхождения кумандинцев, Л. П. Потапов не видит в этнониме «куманды» следов тотемизма. Касаясь таких названий половцев, как «сарацин», «сорочин», К. Ш. Шаниязов, ссылаясь на И. Г. Добродомова, упоминает о тюркском слове «кунн» со значением «народ» во второй части этих названий (стр. 29). К сожалению, он не ушел толкования древнего термина «кун», приводимого в работах Ю. А. Зуева, который, в частности, считал, что он «служил для обозначения определенных родовых и племенных организаций и включал в себя понятие „рода“ или „племени“, связанного единством этнического происхождения»³.

Реконструируя внешний облик древних и средневековых кыпчаков, К. Ш. Шаниязов не использовал интересной работы С. И. Вайнштейна и М. В. Крюкова на эту же тему, касающейся древних тюрков⁴.

Давая краткую, но в целом убедительную характеристику общественного строя кыпчаков в XI—XIII вв. (стр. 61—65), автор, ссылаясь на «Codex Cumanicus», приводит название «Eidagi erci» в значении «домашние рабы». Но в недавно увидевшем свет труде Э. В. Севортяна, где рассматривается этимология слова елчи/erci, даны лишь следующие значения этого слова: женщина, жена, супруга, хозяйка, мать⁵. Слово «елчи» автор считает производным, образованным от основы — корня *eb (en), ev* — 'дом', 'домохозяйство', 'семья'+аффикс отыменного образования — *чы/чи*, который в сочетании с основой обозначает название лица по его деятельности. Вполне допуская существование домашнего рабства у кыпчаков в это время, очевидно, следует еще раз вернуться к толкованию приведенного термина.

Заключая эту характеристику, К. Ш. Шаниязов называет родо-племенные общности в классовом обществе «поздними, вторичными племенами и родами» (стр. 65; см. также «От редактора», стр. 5). Мне представляется, что сущность таких родо-племенных образований в классовом обществе состояла не только в том, что они были «поздними», «вторичными», но в не меньшей мере еще и в том, что они многократно воспроизводились по древнему стереотипу, по арханческой модели первобытнообщинного строя, что и приводило к глубокой традиционности их структуры. Автор книги, безусловно, прав, когда он пишет: «Их сохранение было связано со спецификой социально-экономической организации кочевников-скотоводов в эпоху феодализма» (стр. 65).

Касаясь религиозных представлений кыпчаков, автор дает, на наш взгляд, слишком расширительное толкование шаманизма. С одной стороны, он указывает на культ солнца как на первобытную религию кыпчаков-половцев; этот культ играл у большинства кыпчаков в XIII в., пишет он. «важную роль» (стр. 37). С другой стороны, по словам К. Ш. Шаниязова, «религией тюркоязычных народов в древности был шаманизм». Следуя источникам, он под шаманизмом понимает и поклонение вешам, рекам, горам, волхование, веру в злых духов и в загробную жизнь (стр. 95). Вполне очевидно, что здесь мы имеем дело и с некоторыми дошаманистскими представлениями, в частности с культом природы.

В целом же, отвлекаясь от отмеченных частных исторических разделов книги можно рассматривать как серьезный вклад в исследование кыпчакской проблемы. Они служат солидным фундаментом для историко-этнографических изысканий в следующих главах книги.

Особый интерес у этнографов, разрабатывающих вопросы этногенеза и этнической истории, вызовет глава вторая «Кыпчаки в составе узбеков (XIX — начало XX в.)». Здесь мы находим данные о времени появления кыпчаков на территории Узбекистана. Автор относит переселение кыпчаков в Ферганскую долину к началу XVIII в., а в бассейн среднего Зарафшана — к первой четверти XIX в. Подробно исследуются численность и расселение кыпчаков на территории Узбекистана в конце XIX — начале XX в., причем главным источником, используемым автором, явились собиравшиеся им в течение многих лет историко-этнографические материалы. Эти материалы стали основой важного раздела о родо-племенном делении кыпчаков (стр. 116—127), в котором впервые полно представлена родо-племенная структура кыпчаков, обосновавшихся в Ферганской и Зарафшанской долинах. Ферганские кыпчаки, по данным К. Ш. Шаниязова, делились на четыре большие группы: кыпчаки (или таза-кыпчак), киргиз-кыпчак, китай-кыпчак и сарт-кыпчак; зарафшанские — на семь основных групп: тогузурув (токуз), или тогузбай, джеты-урув, парча-кыпчак, ак-кыпчак, кара-кыпчак, сары-кыпчак и кып-

² Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969, стр. 60; ср.: Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. I, М., 1952, стр. 53.

³ Ю. А. Зуев, Термин «кыркун». К вопросу об этническом происхождении кыргызов по китайским источникам, «Труды Ин-та истории АН КиргССР», вып. IV, Фрунзе, 1958; стр. 170; его же, Тамги лошадей из вассальных княжеств, в кн.: «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 103, 128.

⁴ С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков, Об облике древних тюрков, в кн.: «Туркологический сборник. К 60-летию члена-корр. АН СССР А. Н. Кононова», М., 1966.

⁵ Э. В. Севортян, Этимологический словарь тюркских языков, М., 1974, стр. 287, 288.

чак-сарай. Подробно рассматриваются более мелкие деления внутри этих групп, особенно у зарафшанских кипчаков. Внимание этнографов привлекут и приводимые автором параллели в родо-племенном делении кипчаков и других узбекских племен, а также каракалпаков, казахов, киргизов и др. (стр. 128—155). Подобное освещение истории кипчакского компонента в составе узбеков придает исследованию своего рода «объемность», помогает раскрытию многообразных этногенетических связей узбеков-кипчаков. Рассматриваемая глава содержит богатый и весьма ценный материал для воссоздания этнической истории узбеков-кипчаков. В своем подавляющем большинстве приводимые данные впервые вводятся в научный оборот.

Однако в этой главе имеются некоторые неточности. Так, мне представляется, что наличие аналогичных этнонимов (бури, кесек, кара-моюн и др.) у узбеков-кипчаков и соседних народов и даже у других узбекских племен далеко не всегда можно считать достоверным свидетельством прямых этногенетических связей. Часть этнонимов (таких, как кара-моюн, кызыл-аяк и др.) могла возникнуть на основе прозвищ, которые имели широкое распространение у тюркоязычных народов (кара-моюн — «черношоее», кызыл-аяк — «красноногие»). Другие этнонимы основаны на названиях тамг (тёрттамгалы, айтамгалы, коштамгалы и др.), а последние из-за сходства их конфигурации имели много аналогичных названий у разных кочевых народов. Третьи этнонимы, также широко распространенные, имели числовое значение (алты-ата — шесть отцов, джети урув — девять родов, тогуз-бай — девять баев, тогуз-уул — девять сыновей и т. п.), которое могло и не быть связано с какой-либо спецификой этнических групп. Соответствующие этнонимы возникли, очевидно, вполне самостоятельно. Кстати, название «алты-ата» имелось не только у сары-кипчаков (стр. 131), каракалпаков и казахов. Так, например, киргизское племя саяк называли также алты аталуу саяк (саяки, имеющие шесть отцов, т. е. предков). Немало этнических названий было связано и с эпонимами и имело патронимическое происхождение (кармыш, аю и др.), а ведь сходство многих имен у тюркоязычных народов общеизвестно. Все сказанное не означает, конечно, что я отрицаю генетическую связь между многими из этнических групп, о которых пишет К. Ш. Шаниязов. Она довольно часто подтверждается, но я нахожу, что оперирование сходными этнонимами требует большей осторожности и осмотрительности.

Автор книги выделил в структуре кипчаков Ферганской долины группу под названием «киргиз-кипчак» (стр. 116, 117—120). Многократно о ней упоминая, он, в частности, отмечает, что «среди киргизов есть большая группа, называемая киргиз-кипчаками» (стр. 82) и что были «кипчаки, находившиеся в составе киргизского племенного объединения ичкилик и называвшие себя киргиз-кипчаками» (стр. 110). Это явное недоразумение: киргизы, относившие себя по происхождению к племени кыпчак, не называли себя киргиз-кипчаками. Так могли называть их соседи, в частности узбеки и узбеки-кипчаки, но у них самих племенным самоназванием было только кыпчак.

Согласно историко-этнографическим материалам, собранным мною в 1950-е годы во время Киргизской археолого-этнографической экспедиции, на территории современных Баткенского, Чон-Алайского и Узгенского районов Ошской области Киргизской ССР и частично Аимского района Андижанской области Узбекской ССР, структура киргизского племени кыпчак сильно отличалась от структуры ферганских узбеков-кипчаков. Сходство названий «родовых» делений у тех и других ограничивается лишь двумя-тремя этнонимами (таз, тору-айгыр, элатан). Между тем киргизское племя кыпчак подразделялось на девять «родов» (отсюда и его название тогуз уруу кыпчак — девятиродовые кыпчаки). Поэтому трудно согласиться с утверждением К. Ш. Шаниязова о том, что киргиз-кипчаки «своим происхождением генетически связаны с узбек-кипчаками» (стр. 147, 148).

Гораздо убедительнее гипотеза автора книги о том, что «значительная часть киргиз-кипчаков Южной Киргизии, вероятно, является остатками тех древних кипчаков, которые в VI—VIII вв. переселились с Алтая на территорию Монголии и Тувы и вошли в состав Восточно-Тюркского каганата, затем (с VIII в.) были подчинены уйгурами, а в X в. вошли в состав киргизов» (стр. 118). Однако на этой же странице высказывается иная мысль: «киргиз-кипчаки Ферганской долины, по всей вероятности, связаны по происхождению с дештикипчакскими узбеками». А на стр. 148 утверждается, что значительная часть киргиз-кипчаков и узбеки-кипчаки пришли в Ферганскую долину в конце XVII — начале XVIII в. из степей Южного Казахстана. Большая часть кипчаков, по мнению автора, попала в Фергану, передвигаясь вверх по Сырдарье. В ряде случаев они жили смешанно с киргизами, образовав таким образом группу киргиз-кипчаков. «Другая группа киргиз-кипчаков,— пишет автор,— переселилась (в XVII—XVIII вв.) из казахских степей в Северную Киргизию... а часть ушла в Кашгарию». К сожалению, эти данные не подтверждаются фактами. Нельзя, разумеется, отрицать, что киргизское племя кыпчак не было «чистым», как и большинство других племен. В его состав, вполне вероятно, могли войти и отдельные группы кипчаков дештикипчакского происхождения, но нельзя не считать это следующими обстоятельствами. Во-первых, подавляющее большинство стариков, относивших своих предков к племени кыпчак, уверенно указывали на переселение их в пределы Южной Киргизии с востока, из Кашгарии. Во-вторых, и это главное, письменные источники свидетельствуют о том, что киргизское племя кыпчак обитало на территории Восточного Туркестана (Кашгарии) уже в XVI—XVIII вв., а примерно в середине XVII в. его вожди

принимали активное участие в феодальных междоусобицах. При этом одна группа кыпчаков пришла из Или через Кучу в Хотан в 60-х годах XVIII в.⁶ Поэтому утверждение автора о том, что основная часть киргизского племени кыпчак происходит от присырдарьнской группы кыпчаков, остается малоубедительной гипотезой. Возможно, ближе к истине идея происхождения «киргиз-кыпчаков» от «орхонской» группы кыпчаков.

Едва ли можно согласиться и с мнением К. Ш. Шаниязова о том, что такие основные подразделения киргизского племени кыпчак, как шерден, коджомюшкюр, омонок, джартыбаш, алтыке, джаманан образовались в недалеком прошлом путем разрастания больших патриархальных семей (стр. 147). И все же некоторые данные, относящиеся к киргизскому племени кыпчак, приводимые в книге, заслуживают самого серьезного внимания киргизоведов.

Очень обстоятельны главы «Хозяйство», «Материальная культура», «Общественные и семейные отношения». Они написаны в лучших традициях этнографических исследований, с большим знанием материала, с точной фиксацией многочисленных этнографических данных. Автор последовательно сопоставляет этнографические особенности ферганской и зарашанской групп кыпчаков, подвергает эти особенности тонкому историко-этнографическому анализу. Насыщенные богатыми полевыми материалами, личными наблюдениями автора, подкрепленные данными из литературы, эти главы читаются с большим интересом. Они вводят в науку много новых данных, впервые дают достаточно полное и отчетливое представление о традиционных формах хозяйства и быта узбеков-кыпчаков, восходящих к их средневековому прошлому.

В главе «Хозяйство» подвергнуты подробному рассмотрению земельные отношения и система налогового обложения, земледелие, водопользование, скотоводство, домашние промыслы и ремесла. Материалы о земледелии и водопользовании выходят за пределы характеристики хозяйства кыпчаков, они содержат ценные сведения по этим вопросам, относящиеся к Бухарскому и Кокандскому ханствам. В главе приводятся собранные автором данные о сельскохозяйственных культурах, об обычаях и обрядах, сопровождающих различные земледельческие работы. Большой интерес вызывает описание системы водопользования в кыпчакских селениях Бачкыр, Дам, Арык-буйи, Сары-кыпчак (стр. 182—187). В разделе, посвященном скотоводству, заслуживают внимания данные о распределении пастбищ между родовыми и семейно-родственными группами (стр. 192—194), хотя ранее автор справедливо подчеркнул, что родовыми пастбищами располагалась в основном феодальная верхушка (стр. 163). Наиболее важную роль играло разведение овец и крупного рогатого скота. Дается оценка различных пород овец у кыпчаков, приводится терминология для овец и коз, обряды и поверья, связанные с овцеводством и молочным хозяйством.

Среди домашних промыслов и ремесел у кыпчаков автор выделяет изготовление тканей, ковроткачество, катание войлока, обработку кожи, производство обуви, отмечает слабое развитие ремесла.

Глава «Материальная культура» содержит классификацию типов поселений, а также усадеб. Здесь привлекает внимание выделение трех форм временных поселений, характерных для полуседлых кыпчаков (стр. 217), и их расселение семейно-родственными группами. Большое место отведено описанию жилища и предметов домашнего обихода. У кыпчаков в конце XIX — начале XX в. бытовали вилочная юрта, глинобитные дома, жилища типа шалаша и типа землянки. Характерно, что ферганские кыпчаки ориентировали дверь юрты на восток (стр. 229), как это делали древние турки. Автору удалось описать старинный тип неразборной войлочной юрты (күтарма), которую перевозили на четырехколесной арбе (стр. 234, 235). Детально описаны внутреннее убранство юрты и жилища стационарного типа.

С такой же скрупулезностью исследованы одежда и пища кыпчаков. Несмотря на некоторые неточности, эти разделы представляют большой познавательный интерес. Автор привлек обширный сравнительный материал, относящийся к различным группам узбеков, казахов, каракалпаков, киргизам, туркменам, таджикам. Подчеркивается, что типы одежды кыпчаков формировались в процессе их длительного общения и взаимных связей с народами и этническими группами, населявшими в прошлом Среднюю Азию и Казахстан. Вместе с тем у кыпчаков продолжали бытовать и некоторые архаические виды одежды (стр. 248). Заслуга К. Ш. Шаниязова состоит в том, что ему удалось восстановить облик уже исчезнувшего костюма кыпчаков.

Характеризуя пищу, автор также отмечает, что ее традиционный ассортимент складывался в процессе взаимовлияния и тесных культурных контактов народов и этнических групп среднеазиатского Междуречья (стр. 272).

Глава «Общественные и семейные отношения» вызовет интерес не только у этнографов, изучающих Среднюю Азию и Казахстан, но и у более широкого круга ученых.

В ней освещены такие важные вопросы, как социальная структура и формы экс-

⁶ М. А. Салахетдинова. Сочинение Мухаммед-Садыка «Тазкира-и Ходжаган» как источник по истории киргизов, «Изв. АН КиргССР», серия общественных наук, т. I, вып. 1 («История»), Фрунзе, 1959, стр. 107, 108, 119, 121; ее же, Сообщение о киргизах в «Хидайат-намэ» Мир-халь ад-дина, там же, т. III, вып. 2 («История»), Фрунзе, 1961, стр. 135, 138—140; «Материалы по истории киргизов и Киргизии», вып. 1, М., 1973, стр. 221, 223.

плуатации, некоторые пережитки родо-племенного быта, семья и брак, некоторые пережитки домусульманских верований, игры и развлечения. Автору удалось очень четко показать социальные категории, характерные для дореволюционного общества кипчаков. Очень интересны примеры существовавших патриархальных семей (стр. 303, 304), хорошо освещен свадебный обряд, являющийся в целом вариантом общеузбекского свадебного ритуала, выявлены черты авункулата (стр. 309, 311, 312, 321, 323), реликты матрилокального брака (стр. 317, 321). Кратко, но отчетливо показаны пережитки шаманизма. Однако истолкование термина «бахши», как происходящего от тюркского «бокмок» (т. е. смотреть, лечить), не может быть принято. Общеизвестно, что этот термин санскритского происхождения.

Не касаясь здесь отдельных мелких недостатков, от которых не свободны рассмотренные главы, приходится сделать один существенный упрек автору книги — это недостаточная ясность и расплывчатость в толковании таких принципиально важных явлений, как род, родовая и общинная собственность (стр. 299, 301, 307).

Нельзя не высказать сожаление по поводу того, что в книге отсутствует карта расселения узбеков-кипчаков на территории Узбекистана, а также указатели (особенно этнических названий).

Оценивая в целом труд К. Ш. Шаниязова, видного узбекского этнографа, можно сказать, что он представляет собой крупный вклад в советскую этнографическую науку, обогащает ее оригинальным и фундаментальным исследованием. Огромный материал, относящийся к этнографической группе кипчаков в составе узбекской народности, поднятый и проанализированный автором, искусно применившим исторический подход к рассматриваемым явлениям, безусловно является ценнейшим источником для изучения этнической истории не только узбеков, но и ряда других тюркоязычных народов.

С. М. Абрамзон

Х. А. Аргынбаев. Казак халкындагы семья мен неке (тарихи-этнографиялык шолу). Алматы, 1973, 327 стр. [Х. А. Аргынбаев. Семья и брак у казахов (историко-этнографический обзор), на казах. яз.]

Проблемы семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана разработаны еще далеко недостаточно, хотя им посвящен ряд специальных исследований¹. Книга Х. А. Аргынбаева — первая монография по истории семьи и брака у казахов. Она написана на казахском языке, поэтому авторы данной рецензии старались по возможности более подробно осветить ее структуру и содержание. Монография базируется на разнообразных источниках: литературных (быт казахов, их обряды и обычаи широко отражены в историко-этнографической и краеведческой литературе XVIII—XX вв.), полевых этнографических исследованиях автора (им обследованы 12 из 17 областей Казахстана), документах, хранящихся в архивах, и фольклорных произведениях разных жанров. Обзор этих материалов, их критический анализ, а также определение задач исследования составляют содержание «Введения».

В первой главе «Дореволюционная семья и семейные отношения» рассматриваются формы семьи у казахов, право наследования, отношения между родственниками, система родства, обычаи усыновления и гостеприимства, положение женщины в семье, обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей, погребально-поминальные обряды. Наиболее важными и дискуссионными являются вопросы о формах семьи у кочевников, в том числе у казахов.

Х. А. Аргынбаев придерживается точки зрения, что у казахов, сформировавшихся как народность в XV—XVI вв., на протяжении всей их истории господствовала малая индивидуальная семья, которая, однако, несла в себе множество пережиточных элементов большой патриархальной семьи, поскольку появилась в результате разложения последней.

Считая большую патриархальную семью универсальным для всех народов социальным институтом, автор пытается определить время ее возникновения, развития и упадка у предков казахов. Полагая, что в среднеазиатско-казахстанском регионе процесс возникновения и дальнейшей эволюции большой патриархальной семьи шел относительно синхронно, Х. А. Аргынбаев обращается к исследованиям советских ученых (С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, Н. А. Кислякова, С. М. Абрамзона и др.), разработавших эту проблему по народам Средней Азии.

¹ См., например: Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLIV, М.—Л., 1959; его же, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969; М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960; А. Т. Бекмуратова, Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем, Нукус, 1969; С. М. Абрамзон, Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семьречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье, «Тюркологический сборник, 1972», М., 1973, стр. 287—305.